

DOI 10.31029/vestdnc74/6

УДК 30:303

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КАВКАЗА В XVIII–XIX вв.

З. Ж. Глашева, ORCID: 0000-0002-2484-2398

Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН

В статье рассматриваются основные направления в изучении Кавказа: «правительственное», «ученое» (научное) и «общественное». Освещается деятельность академических экспедиций XVIII–XIX вв., которые положили начало научному исследованию народов Кавказа, а также вклад в изучение региона военных историков, научных учреждений и обществ. Автор приходит к выводу, что XVIII – начало XIX в. является временем становления интеллектуального кавказоведения, а также началом формирования научного представления о регионе. Отмечено, что изучение работ путешественников и военных историков является одной из основных задач отечественного кавказоведения и необходимо для дальнейшего развития исторической науки в целом.

The article discusses the main directions in the study of the Caucasus: "the governmental", "the scientific" and "the public". The article highlights the activities of academic expeditions of the XVIII–XIX centuries, which initiated the scientific study of the peoples of the Caucasus, as well as the contribution of the military historians, scientific institutions and the societies to the study of the region. The author comes to conclusion that the XVIII – beginning of XIX centuries is the time of formation of the intelligent Caucasian studies, as well as the beginning of the formation of scientific understanding the region. It is noted that the study of travelers and military historians works is one of the main tasks of the national Caucasian studies and is necessary for the further development of historical science as a whole.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, академические экспедиции, западноевропейские путешественники, история, кавказоведение.

Keywords: Russian Empire, the Caucasus, academic expeditions, Western European travelers, history, Caucasian studies.

Благодаря своему геополитическому расположению Кавказ всегда являлся регионом с уникальными историко-культурными особенностями, обусловленными полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. Изучение Кавказа на начальном этапе проводилось в специфических военно-политических, социально-экономических и социокультурных условиях, связанных с освоением кавказских территорий, удаленностью их от столичных научных центров. История изучения Кавказа имеет давние традиции и является неотъемлемой частью российского кавказоведения, которое значительно шире академического. Кроме того, его интересы выходят за рамки таких гуманитарных наук, как лингвистика, фольклористика, историография, археология и этнография [1].

Кавказ и населявшие его народы со времен античности были объектом изучения и привлекали внимание ярким своеобразием своей природы, экзотичностью быта и языковым разнообразием. С древних времен регион играл роль своеобразного «моста», связывающего Ближний и Средний Восток с Юго-Восточной Европой. Через его территорию пролегал ряд военно-стратегических и торговых путей, имевших важное экономическое и политическое значение. Прежде всего, вдоль всего Каспийского побережья Кавказа пролегал южный (сухопутный) отрезок старинного Волжско-Астраханско-Ширванского пути, который связывал Восточную Европу, и в первую очередь русские земли, с Ираном и некоторыми другими странами Ближнего и Среднего Востока. Вдоль Каспийского побережья Кавказа проходил приморский отрезок Волжско-Каспийского пути. С ним непо-

средственно была связана вторая важная военно-торговая магистраль, соединявшая Каспийское побережье Кавказа с Черноморско-Азовским. Этот северокавказский путь пролегал по линии Темрюк – Пятигорье – Эльхотово – Тарки – Дербент. Последний участок этого пути совпадал с Дагестано-Ширванским участком Волжско-Астраханского пути. В центрально-кавказском секторе северокавказского пути от него ответвлялись три дороги в Центральное Закавказье. Одна из них по ущелью Терека вела через осетинские земли в Картлинское царство, вторая – через ингушские земли по верховьям р. Ассы в Картли и Кахети, а третья дорога пролежала по р. Аргун через чеченские земли и по Алазанской долине через Тушетию вела в Кахетинское царство [2]. По мере обострения международных отношений вокруг Кавказа политическое значение дорожных магистралей, проходивших через него, постоянно возрастало [3, с. 6–7].

В различные исторические периоды отдельные части Кавказа изучались по-разному, это было связано с разнообразием ландшафтных зон и направлений научных исследований. Исследования определялись не только особенностями исторической науки, но и внешней и внутривосточной ситуацией. Изучение проводилось в рамках трех направлений: «правительственного», «ученого» (научного) и «общественного». Первое – правительственное – направление было представлено деятельностью Министерства внутренних дел, военного ведомства, государственных учреждений (военно-научные экспедиции, губернские и областные статистические комитеты и т.д.). Второе направление – ученое (научное) – оказало огромное влияние на изучение Кавказа. Исследования ученого направления проводились Санкт-Петербургской Академией наук, Императорской Археологической комиссией, Санкт-Петербургским Археологическим институтом, Кавказской Археологической комиссией. Третье – общественное – направление представлено работой столичных и кавказских научных обществ [4, с. 165].

Становление и дальнейшее развитие историографии Кавказа связано с комплексными академическими экспедициями, которым предшествовали столетия накопления разнообразных сведений о народах Кавказа. По мнению М.О. Косвена, «новым периодом, знаменующим уже начало систематического и несравненно более интенсивного изучения как Кавказа, так и его этнографии, является XVIII в.» [5]. Ключевую роль в развитии историографической традиции сыграло правительственное направление, которое было связано прежде всего с процессом вовлечения региона в российскую систему управления, в результате чего приоритеты научных исследований определялись в первую очередь государственными интересами. Особое внимание было уделено исследованиям по поиску полезных ископаемых, уточнению географических, геодезических данных, изучению истории, быта, языка, фольклора и культуры народов региона.

Ведущую роль в изучении региона сыграла Санкт-Петербургская Академия наук, экспедиции которой заложили основы научного кавказоведения. Они проводились в первую очередь в интересах освоения новых земель и в рамках «натуральной истории» [4, с. 180]. Перед учеными была поставлена задача расширения историко-этнографических знаний о Кавказе, подробного изучения потребностей горского населения, а также разработки рекомендаций по использованию его природных и людских ресурсов для дальнейшего развития региона. Историография XVIII – начала XIX в. представлена трудами иностранных путешественников, военных историков и научных учреждений и обществ, которые легли в основу традиционных направлений научных исследований. Среди них – изучение этнической истории народов Кавказа, расселение народов, топонимика, изучение социального строя и быта народов Кавказа, археологические, лингвистические и

эпиграфические исследования. Деятельность академических экспедиций в области исторических исследований осуществлялась по двум направлениям: научно-поисковому, включающему в себя сбор исторических источников, и научно-исследовательскому, заключающемуся в написании обобщающих трудов. Ее особенностью являлось повышенное внимание к сбору фактических данных о различных аспектах жизни и деятельности многочисленных народов региона.

К научно-поисковому направлению относятся описания путешествий, совершенных по Кавказу в XVIII – первой половине XIX в. Они составлялись учеными, обладавшими как раннепрофессиональными, так и профессиональными историческими знаниями. К ним относятся: Ферран, С.-Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, И.П. Фальк, Я. Рейнеггс, П.С. Паллас, Я. Потоцкий, Г.-Ю. Клапрот, И.Ф. Паррот, М.Ф. Энгельгард, Э.И. Эйхвальд, А.Д. Нордман, Тэбу де Мариньи, Роберт Лайэл, Жан-Шарль де Бесс, И.Ф. Бларамберг, Дж.А. Лонгворт, Фредерик Дюбуа де Монпере, С.М. Броневский, К.М. Бэр, А. Фонвиль, И.Г. Георги др.

Исследования вышеперечисленных авторов заложили основы интеллектуального изучения Кавказа. Среди участников научных экспедиций было много зарубежных путешественников и ученых, которые сотрудничали с Санкт-Петербургской Академией наук. Они принимали активное участие в организованных ею экспедициях. Также на военной и административной службе на Кавказе во второй половине XVIII – начале XIX в. было много иностранцев, принявших российское подданство и по долгу службы ставших свидетелями и участниками исторических событий, разворачивающихся в регионе. Они оставили после себя научные работы с подробными описаниями событий. Исследования в основном проводились на средства российского правительства по специально разработанным программам. В период проведения первых экспедиций было собрано множество материалов, которые легли в основу капитальных трудов о народах Кавказа, были созданы значительные картографические материалы, послужившие основой для составления новых карт региона. Инструкции, программы, отчеты об экспедициях содержат богатый этнографический материал.

Работы путешественников, посетивших Кавказ, в исторической части соответствовали уровню исторических и научных знаний того времени. На страницах опубликованных материалов академических экспедиций, отдельных путешествий, поездок по Кавказу стали появляться первые подробные сведения о местных народах, об их расселении и образе жизни, численности, родоплеменной организации, хозяйственных занятиях, землевладении, социальных отношениях, обычаях, традициях, верованиях. Описания западноевропейских путешественников, несмотря на их ценность, не могут компенсировать недостатка местных источников. Они передают впечатления иностранцев от «страны», чуждой им по языку и культуре. Упоминания о некоторых малочисленных народах, изолированных в труднодоступных горных ущельях, фрагментарны, поскольку они вообще не попадали в поле зрения путешествующих иностранцев. Труды путешественников-иностранцев первоначально издавались на немецком, французском, английском языках, они содержат хорошо структурированный исторический и этнографический материал. Исследования западноевропейских авторов о горских народах стали широко известны исследователям благодаря извлечениям и публикации их в специальном издании «Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.» [6].

В основу научного направления легли академические экспедиции XVIII–XIX вв., поскольку именно российское правительство было заинтересовано в их проведении. В зада-

чи военных и научных экспедиций входило как изучение географических, исторических, археологических особенностей, так и обычаев и традиций местного населения [7, с. 40–41]. На самом высоком уровне решались вопросы финансирования экспедиций и научных исследований с целью изучения полезных ископаемых, уточнения географических данных, сбора исторических и этнографических материалов.

Особое место в становлении и развитии российского кавказоведения XVIII–XIX вв. занимала военная историография. Авторами исторических сочинений были не ученые со специальным образованием, а военные, разведчики, чиновники, писатели, публицисты, ставшие свидетелями событий XVIII–XIX вв. Многие из этих трудов написаны с великодержавных позиций, но это не умаляет их значения в развитии исторической мысли в целом и кавказской историографии в частности. Именно им принадлежит важная роль в освещении исторических событий, связанных с процессом интеграции Кавказа в состав Российской империи [8–12]. Реализация широких планов политического и экономического освоения региона требовала всесторонней информации о нем. По мере присоединения кавказских земель Российская империя столкнулась с проблемой управления ими, обеспечения политико-экономической стабильности при решении задач внутренней и внешней политики. Для определения стратегического направления развития российской политики на Кавказе необходимо было изучить разные по языку, религии, культуре, внутреннему устройству кавказские области и народы. Научные и военные экспедиции, в которых принимали участие военные историки, а также миссионерские экспедиции, организованные правительством, выступали в качестве своеобразного интеграционного механизма.

В основном труды военных историков, принадлежащих к «военно-исторической школе», были направлены на обоснование методов, средств и форм административного управления на Кавказе российскими властями. Научное изучение кавказских народов совпадает с началом усиления российского военного присутствия в регионе. Также активизировалась работа по сбору сведений о горских народах, что было продиктовано практическими потребностями – развитием торговых отношений и хозяйственной деятельности в горской среде. В результате были собраны ценные статистические, топографические, этнографические материалы о горцах.

К научно-исследовательскому направлению относятся труды военных историков XIX в., внесших значительный вклад в становление кавказской историографии. К военным историкам первой половины XIX в. относятся С.М. Броневский, И.Ф. Бларамберг, И.Л. Дебу, И. Шаховский, П.П. Зубов, Н.Н. Забудский, Л.Я. Люлье, Н.В. Данилевский, Д.И. Романовский и др., к историкам второй половины XIX в. – Ф.Ф. Торнау, П.Г. Бутков, Г.В. Новицкий, Н.Ф. Дубровин, А.Л. Зиссерман, И.С. Кравцов, И.Д. Попко, В.А. Потто, А. Юров, Р.А. Фадеев, М.Я. Ольшевский, П.П. Короленко, Е.Д. Фелицын, В.Г. Толстов, Ф.А. Щербина, К.Ф. Сталь, С.С. Эсадзе и др.

Исследования военных историков основывались не только на личных наблюдениях и делопроизводственных материалах кавказских учреждений, но и на трудах академических ученых. Они оставили подробные систематизированные описания народов и населенных пунктов, сделанные на основе результатов экспедиций конца XVIII – первой четверти XIX в. Их исследования заложили основы интеллектуального изучения Кавказа и стали началом складывания кавказской историографической традиции. Работы военных историков содержат разнообразные материалы по истории, этнографии, географии, торгово-экономической политике Российского государства на Кавказе с середины XVI до

начала XIX в., об этнических особенностях и самобытности жителей Кавказа. Ценность этих источников заключается в том, что они основываются на сведениях, извлеченных из малоизвестных и малодоступных произведений, научных трудов ученых, дневников, записок путешественников конца XVIII в., а также архивных материалов, хранившихся в Посольском приказе (XVI–XVII вв.) и Коллегии иностранных дел (XVIII–XIX вв.). Не маловажным источником являются личные наблюдения авторов, подробно описанные ими. Сюда также можно включить исторические произведения и труды о Кавказской войне, написанные непосредственными участниками военных событий. Отличаясь информационным богатством, они не только подчеркивают особенности административной и экономической интеграции Кавказа, но и дают возможность увидеть, как параллельно осуществлялось изучение нового региона. Труды военных историков представляют определенный этап в кавказоведении. Эти авторы трактовали проблемы взаимоотношений горцев с российскими властями, исходя из теории русоцентризма и «цивилизационной миссии» [13] Российского государства, которая должна была содействовать торговым отношениям и устранению «варварских обычаев нравов» в отношении «диких» и «отсталых» народов Кавказа [3, с. 22].

Офицеры и чиновники, основные участники и наблюдатели событий на Кавказе, оставили подробные путевые заметки, докладные записки о регионе и населяющих его народах. Военная и административная деятельность Российского государства приводила к всплеску новых научных исследований. В ряде сочинений содержится большое количество этнографических материалов, раскрывающих быт, психологию, традиции, обычаи и религиозные верования горцев. Произведения многих военных историков XVIII–XIX в. носили военно-стратегический характер. По мере включения отдельных территорий Кавказа в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи возникала необходимость в статистических данных по коренным народам, их расселении и географическом положении. В целом российская армия сыграла значительную роль в развитии исторических и этнографических исследований о Кавказе. Ее деятельность была одним из элементов правительственного направления в изучении региона и своеобразным интеграционным механизмом в культурной сфере.

Общественное направление также было связано с освоением новых кавказских территорий. Оно заключалось в научном изучении региона усилиями столичных ученых – сотрудников научных учреждений и обществ и провинциальных исследователей – сотрудников местных статистических комитетов, Ставропольской губернской ученой архивной комиссии и кавказских научных обществ. В общественном направлении к концу XIX в. меняются научно-исследовательские задачи, связанные с изменением общественно-политической ситуации в регионе. Изучением региона стали заниматься научные общества и учреждения, деятельность которых нашла поддержку среди местной администрации, которая оказывала финансовую помощь в изучении региона, а также местной интеллигенции и военных, участвовавших в исторических, археологических и этнографических исследованиях [4, с. 424].

Основными центрами по изучению региона ко второй половине XIX в. стали крупные научные общества, такие как: Императорское Русское Географическое общество с его кавказским отделом, Общество любителей естествознания при физико-математическом факультете Московского университета и его Этнографический отдел, Императорское Московское археологическое общество. Они были своеобразными научными центрами по изучению региона [7, с. 43]. Характерной чертой кавказоведения XVIII–XIX вв. была

практическая направленность исследований, ориентированных на изучение традиционных общественных институтов, истории, быта и нравов народов Кавказа, а также их взаимоотношений с Российским государством. Они проводились с целью быстрой интеграции региона в российское политическое, экономическое и культурное пространство

В истории становления и развития отечественного кавказоведения как части российской исторической науки можно выделить три основных этапа: первый этап – вторая половина XVIII – начало XIX в.; второй этап – первая половина XIX в.; третий этап – вторая половина XIX – начало XX в. [4, с. 422]. Они совпадают с этапами окончательного присоединения Кавказа, процесс интеграции кавказской территории в свою очередь создавал необходимость в изучении региона. Это обстоятельство было своеобразным фактором и импульсом для развития науки и научных исследований, расширения деятельности столичных и кавказских научных учреждений и обществ.

Административно-территориальные, общественно-политические и культурно-просветительские мероприятия, проводившиеся на Кавказе в рассматриваемый период, связаны с интеграцией данной территории в состав Российского государства, параллельно осуществлялось его изучение и познание. Формирование и развитие кавказской историографии основано на исторических источниках XVIII – начала XX в., которые, в свою очередь, можно условно классифицировать по характеру содержания и жанру. Они представлены как в опубликованных, так и в неопубликованных работах исследователей. При изучении истории Кавказа развитие получили новые исследовательские практики, такие как интеллектуальная, культурная, биографическая и локальная.

Становление и развитие историографической традиции по изучению Кавказа в XVIII–XIX в. связано с деятельностью академических экспедиций, военных историков и научных учреждений и обществ, положивших начало научному изучению Кавказа. В кавказской историографии данного периода прослеживается тесная связь научных экспедиций с процессом интеграции региона в состав Российского государства, в результате которой начинается его систематическое научное изучение. Историография исследуемого периода представлена в основном обобщающими, тематическими или локальными работами, затрагивающими тот или иной отрезок времени, в которых рассматриваются различные аспекты интеграционных процессов. Изучение работ путешественников и военных историков является одной из основных задач отечественного кавказоведения, оно необходимо для дальнейшего развития исторической науки в целом. Их работы позволяют использовать накопленный опыт и источниковую базу в современных исторических исследованиях. Таким образом, XVIII – начало XIX в. было временем становления интеллектуального кавказоведения, началом формирования научного представления о регионе в отечественной исторической науке. Именно в этот период процесс познания и освоения нового региона проходил параллельно с процессами заселения новых территорий и оформления южных границ Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бизуаа В.А.* История российского кавказоведения: основные векторы развития (XIX–XX вв.) // Гуманитарная мысль Северного Кавказа в общероссийском научном пространстве: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Черкесск, 15–17 ноября 2012 г. Черкесск, 2014. Ч. I. С. 32.
2. История Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т. I. С. 315–316.

3. Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи : сб. док. и материалов / сост. и авт. ввводн. ст. *З.Ж. Глашева*. Нальчик: Принт Центр, 2018. Т. I. С. 6–7.
4. *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века / науч. ред. *М.П. Мохначева*. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 165.
5. *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Вып. I, ч. I. С. 274.
6. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. пер., введ. и вступ. ст. к текстам *В.К. Гарданова*. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
7. *Колесникова М.Е., Маловичко С.И.* Историческое значение в межкультурном пространстве Северного Кавказа XIX – начале XX вв.: начало научного изучения истории региона // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3, ч. II. С. 39–50.
8. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII 80-е годы XIX в. М: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 328 с.
9. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
10. *Дегоев В.В.* Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2004. С. 28–47.
11. *Клычников Ю.Ю.* Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. 135 с.
12. *Малахова Г.М.* Становление Российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX века. Москва; Пятигорск, 1999. 180 с.
13. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1868. Ч. I. С. 157.

Поступила в редакцию 02.08.2019 г.
Принята к печати 26.09.2019 г.